

УДК 215: 316.3

Бевзюк Н. П.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Статья посвящена роли социальной структуры в организации церкви и формированию религиозного сознания в рамках межкультурного диалога и общественных связей. Основной вопрос рассмотрен в контексте формирования толерантного отношения религии и культуры. Автор исследует социальную основу в формировании религиозных общин как особого вида культурного взаимодействия.

Ключевые слова: социальная структура, религиозная община, языковые проблемы религиозного общения, культура и религия.

Стаття присвячена ролі соціальної структури в організації церкви і формуванню релігійної свідомості в рамках міжкультурного діалогу і суспільних зв'язків. Основне питання розглянуто в контексті формування толерантного відношення релігії і культури. Автор досліджує соціальну основу у формуванні релігійних громад як особливий тип культурної взаємодії.

Ключові слова: соціальна структура, релігійна громада, мовні проблеми релігійного спілкування, культура і релігія.

The article is devoted to the investigation of the role of social structure in church organization and religious consciousness formation in terms of intercultural dialogue and public links. The basic problem is considered in the context of tolerant relations of religion and culture. The author scrutinizes the social basis of the religious communities as special type of cultural interaction.

The keywords: social structure, religious community, language problems of religious communication, culture and religion.

В любом сообществе существует тенденция к формированию определенных подъединств, сохраняющихся с течением времени в качестве характерных структур. Они различимы на двух уровнях: по упорядоченному расположению их членов в отношениях друг с другом и с членами более большого сообщества. Социальная структура обусловлена основной мотивацией – коллективной потребностью. Потребность в религиозной вере, как обусловленная социальная мотивация, на начальном этапе своего становления есть осуществление этой потребности на индивидуальном уровне, впоследствии находит свое выражение как общественное явление, порождая целую совокупность разнородных элементов. Становясь общественным течением, социальное выражение религиозной веры, как явление социальной жизни, подкрепляется государственными структурами, получая от них прямую или косвенную поддержку, становясь частью этих структур.

История становления социального события показывает, что потребность есть

суть продукта внутреннего развития общества или сообщества: интеллектуального, морального, эстетического, религиозного. Внешние социальные события – это очевидный источник и результат человеческих потребностей как результат социального и интеллектуально-психологического развития. Именно таким образом создавался мир общепринятых представлений, в котором разворачивается современная жизнь религиозной веры. Вся сложность и закономерность данного явления сосредоточена в тонкости видимого порядка нашего существования, отвечая, прежде всего, рациональной потребности любой ценой сохранить достигнутый уровень жизни с последующим повышением его. Эта мотивация стала тем тормозом, который не позволил всей социальной системе деградировать, возвратиться к варварскому образу жизни.

Однако история показывает, что не всякое умножение потребностей является благом. Уже достигнутое социальное положение может рассматриваться как идеал, а всякое нововведение, осуществляемое пусть даже в направлении прогресса, может восприниматься негативно. Доказательством тому служит отрицательный эффект, который навлек на языческие, дикие племена преждевременное пробуждение у них потребностей цивилизованных народов. Законы против роскоши, призывы к моральному аскетизму на определенном этапе цивилизации могли рассматриваться именно в таком контексте. Социальный класс и национальное сообщество, чьи потребности возрастают качественно и количественно, сталкиваются с настоящим испытанием, результаты которого проявляются не сразу. Может случиться так, а, как правило, такое и бывает, что первые шаги увеличивают активность и силу группы, а последующие шаги ее парализуют. В действительности требуется особая социальная организация общества, чтобы иметь возможность продуцировать и осуществлять социально организованные действия.

Социальное существование человека определено совокупностью индивидов, люди существуют не как разъединенные индивидуумы, но как взаимосвязанные члены общества. Инновации и социальные сдвиги в отдельных структурах часто определяют направление, скорость и масштабы движения в христианской вере. Отдельно взятый человек – это не изолированная единица общества, но часть целого, которое делает из него то, чем он является на данный момент, и определяет его бытийные основы, реализуемые им в будущем. Например, человек не выбирает, на каком языке он будет говорить. Этот язык определяет общество, в котором он родился, семейная ячейка – родители, традиции семьи, дети, с которыми он играл. Более того, общество определяет и то, что он говорит, думает и делает, либо оказывает на него достаточно сильное и определяющее влияние. Постигая социальную структуру общества, исследователь в полной мере может себе представлять, как и каким образом церковная традиция и традиции религиозной веры взаимодействуют с культурными образованиями и в какой роли и в каком качестве эти образования выступают.

Социальная структура включает в себя множество факторов, каждый из которых влияет на взаимодействие церкви и культуры. В большинстве случаев церковь как сеть социальных отношений, организующая людей в структурное единство, пронизывает все сферы человеческой деятельности. Т. Парсонс рассматривает взаимоотношение культуры и церкви как взаимное проявление коллективности: «Поддержание религиозной ориентации посредством поддержания церкви можно рассматривать как случай взаимопроникновения культурной и социальной систем. Однако церковь может расцениваться как коллективность, преимущественно относящаяся к культуре, т. е. в первую очередь как культурная система действия, и уже во вторую – как социальная система» [4, с. 698].

Обычно церковь посредством своего учения и религиозной веры организует членов всего общества в структурные малые группы, связывающие одних членов сообщества с другими. Кроме того, она объединяет их в группу, которая связывает и организует отношения повседневного мира с миром сверхъестественного. Обитатели сверхъестественного общества (включающего в себя некоторых или всех без исключения лиц – таких, как души умерших, души не рожденных, а также духов и иных потусторонних сил) систематически связаны друг с другом (формально или мысленно) и с членами церкви системой ритуалов и мифологией. Церковь создает должностные позиции, которые должны быть укомплектованы профессиональным составом.

В более сложных сообществах эта официальная группа нередко занимает высокое иерархическое положение. Здесь обнаруживается такого же рода иерархия, какая существует в экономических структурах сложных сообществ. Функции этой официальной группы, т. е. связывание опасного иного мира с потребностями обыденного мира людей, обеспечивает готовый инструмент господства, которым может воспользоваться любой индивид, занимающий такой пост. Хотя в более простых обществах церковь включает в себя всю группу, в более сложных обществах она имеет тенденцию сегментироваться на несколько различных групп, каждая из которых имеет персональный состав. Даже если эксплицитные и более общие социальные функции церкви не изменяются, ее организационные функции меняются, когда на смену одной церкви приходят многие. При таком изменении в организации церковь, как правило, приближается к определенным типам ассоциаций.

Основным фактором, определяющим индивидуальность сообщества, является его уникальность. Каждое сообщество, развиваясь в определенных и замкнутых природных, экономических, политических и этнических условиях, вырабатывает характерную, присущую только ему культуру и собственный образ, отличающий его от любого другого сообщества. До принятия социальной общностью христианского религиозного учения социальная структура любого этноса уже была определена его природной и этнической самобытностью. В зависимости от

места пребывания христианина его личная этническая культура вступает в тесное соприкосновение с противоположной ему системой этносоциального поведения.

Одним из существенных элементов социальной структуры являются межклассовые брачные отношения. Брак, как форма социальной жизни, выступает еще и как форма религиозной и культурной интеграции, взаимодействия и взаимопроникновения одной культуры в другую. Так, например, система родства между членами одной религиозной общины определяет этнокультурную систему отношений к другой религиозной общине, несмотря на то что обе эти общины одного религиозного протестантского течения. Определяющим фактором социальной интеграции выступает элита данного этноса или однородной группы. Профессорско-преподавательский состав каждого университета имеет свою властную структуру, элиту, мнение которой имеет очень большое значение в формировании культурного мировоззрения или учения. Так же обстоит дело в любом профессиональном союзе. Каждая группа имеет свою властную структуру, или аристократию, имея четкие иерархические разделения в разных социальных группах. Это условие соблюдается и в том случае, если эта группа находится на низкой социальной лестнице, то и внутри ее есть своя элита, находящаяся на более высоком культурном уровне, чем представители данной социальной группы.

В некоторых сообществах властные структуры состоят исключительно из лиц, родившихся в определенных семьях. В таких группах, в большинстве случаев, определяющим фактором становится либо материальный уровень данной социальной группы, либо ее более древнее родовое происхождение, служащее фактором формирования определенного психологического отношения. «Движения пробуждения в воскресных школах, – пишет К. Генгель, – начинались и заканчивались, но воскресные школы оставались в церквях стабилизирующей силой. В маленьких поселках и в больших городах они привлекали преданных и способных мирян, задавая тон и придавая характер американскому протестантизму и предоставляя эффективные средства для приведения в церковь как взрослых, так и детей. Хотя воскресные школы с неизбежностью отражали общие представления и ценности страны, они, тем не менее, воспитывали благочестивых и сведущих мирян в масштабах, непревзойденных нигде в христианском мире» [1, с. 283].

Войти в элиту помогают и религиозные способности, такие, которыми обладают лица религиозно-экзальтированного поведения или достигшие в понимании религиозных доктрин большого успеха и способные к их истолкованию публично. В деревнях во властную структуру религиозной общины входит не только религиозное лицо, но и мудрый человек, чей жизненный индивидуальный и религиозный опыт завоевал особое расположение и уважение и чье мнение не может быть оспорено. В результате личных, долгих наблюдений он становится знатоком деревенских, кастовых и религиозных законов, имея рассудительный ум, обучившись рассудительно выслушивать все детали спора

людей до тех пор, пока, почувствовав невысказанное общественное мнение, объявлял приемлемое для всех решение. Мудрый человек входил во властную структуру всегда. То есть он негласно, но обязательно был носителем всех культурных достижений общества или эпохи. Человек элиты, становясь христианином, привносит в религиозную общину общую совокупность всех качеств, которыми обладает и он сам.

Следующим фактором, влияющим на состояние религиозной общины, является земельное право. Земельное право оказывает влияние на рост и формирование религиозной общины, являясь определяющим фактором повышения или понижения ее статуса в социальной среде или в религиозном сообществе. Помимо этого христиане, имеющие большие земельные наделы, способны создавать и более устойчивые религиозные объединения. Финансовая и социальная независимость создают благоприятные условия для создания внутри религиозной общины необходимых условий для нерелигиозного самообразования, учитывая то, что, «когда же земля, по тем или иным причинам изымается из прямого владения членами религиозной общины и переходит в правление иных лиц (ростовщики, банкиры и др.), – пишет Д. Мак-Гавран, – тогда члены религиозного сообщества, не только ущемлены в полноценной поддержке религиозной общины на высоком уровне, но могут потерять с ней непосредственную прямую связь, что может сказаться на социальном уровне религиозной общины» [2, с. 209]. Однородная группа общества есть обладатель и выразитель народного самосознания, если ее члены думают о себе как об отдельном этносоциальном образовании и отдельном классе. Для них главной задачей является сохранение своей этнической цельности и национальной индивидуальности.

В таком случае вся социальная структурированность их общественного устройства подчинена именно этой цели. Здесь можно говорить о религиозном «разумном эгоизме», призванном сохранить в неприкосновенности этническую цельность малых групп. Так, ортодоксальные евреи в Европе или в Америке имеют высокий уровень народного самосознания, равно как и индейские племена в Эквадоре, касты в Индии и многие другие сообщества во многих странах. Уровень народного самосознания как элемент социальной структуры сильно влияет на то, как и в какой степени христианское учение завоеует данную часть социальной системы. В случае если эти сообщества пребывают вне исторически сложившихся христианских государствах, например в азиатских или африканских, то эти сообщества – касты или племена, с высоким уровнем национального самосознания и своей собственной национальной культурой, будут противиться христианскому учению. Для них это будет означать «присоединение к другому народу». В таком случае они отвергнут христианство не по религиозным причинам, но потому, что любят своих собратьев и чтут свою культуру. Родственные и этнические связи для них являются более значимыми, чем

религиозные, это непосредственно связано с родовой памятью и позволяет сохранить не только цельность группы, но и родовую этническую самость.

Уровень народного самосознания – это аспект социальной структуры, который полностью или в значительной степени определяет стремление данного сообщества подчинять или подвергать наказанию тех своих членов, которые выходят за пределы установленных поведенческих норм. В «плавильных котлах», или индивидуалистических обществах, в принципе нет никому дела до существенных причин того или иного поведения какого-либо члена сообщества: он просто должен быть таким. Необходимо учитывать существенную особенность в процессе взаимодействия двух культур: всюду, где принятие христианства становится вопросом скорее расовым, чем религиозным, само существование церкви будет носить преимущественно синкретический характер. (Так как здесь протестантская церковь осуществляет политику толерантности культур.) Главной трудностью станет необходимость «представить сам образ Христа таким образом, чтобы он приставлялся как синкретически толерантная фигура» [9, с. 322].

В настоящее время известны только два возможных решения этой проблемы: либо дождаться того времени, когда общество подвергнется дезинтеграции, народное самосознание ослабеет и образуется та ситуация, в которой религиозное перестанет быть только лишь теологическим препятствием, либо принятие христианства как теологической доктрины является основанием в межкультурном и межрелигиозном диалоге. При этом происходит интеграция христианского культурного наследия и культурного наследия местного сообщества так, как это происходит в странах Азиатского и Тихоокеанского регионах.

Одним из основополагающих фундаментов одновременного существования культуры и религии есть языковая среда. Этот фактор имеет два выражения. Первый, необычайно важный для всех – это естественный по своему происхождению мир близких, общающихся на своем языке, находящихся в одном семантическом поле. Они выросли в нем и стали частью его. Второй, возможно, и менее важный – это мир чужого языка, при помощи которого осуществляется решение уже иных запросов и решение иных задач. В первом мире «средством общения» является язык сердца. Во втором мире это уже официальный язык, служащий и способствующий осуществлению прагматической задачи – задачи спасения.

Чтобы понять основу этой коллизии, достаточно осмыслить следующую ситуацию. Поскольку единственный способ обеспечить нормальное функционирование современных государств – это инициировать создание такого сообщества, где все граждане говорят на одном языке, правительственные и образовательные учреждения без устали трудятся над распространением официальных языков и уничтожением того, что называется диалектами. Официальный или стандартный язык – это ключ к единству. Однако язык сообщества, издревле существующий в нем самом и вместе с ним имеющий такую

же историю, невозможно изменить или уничтожить. Этот язык есть внутреннее святилище, в которое не может проникнуть внешний мир. Этот язык заботливо оберегают, поскольку он усиливает чувство связи со своим народом. «88 языков в Мексике пережили 400 лет испанского владычества, они и сейчас языки сердца для сотен тысяч людей. Даже когда страна уже перешла на использование какого-то общего языка, лидеры время от времени, как, например, в Ирландии, начинают настаивать на необходимости заново выучить „свой собственный язык”. Соединенные Штаты и Канада, с одной стороны, ФРГ, с другой, дают блестящий образец влияния языка на распространение протестантизма и его количественное и качественное состояние» [8, с. 240].

Протестантские деноминации, для которых языковым фундаментом общения являются немецкий и английский языки, основывали свою миссионерскую деятельность только на одном из этих двух языков. Результатом стала слабая миссионерскую деятельность, отсутствие широкого движения протестантской религиозности ни в одной из таких групп, как испанская, греческая, итальянская, франко-канадская, португальская, китайская, польская, или иной какой-нибудь другой. Для граждан, говорящих на этих языках, стать протестантом означает присоединиться к англоязычному населению – даже в тех довольно частых случаях, когда первое поколение проводит богослужение на языке новообращенных.

Распространяясь по всей Земле, протестантская церковь постоянно встречается с сотнями миллионов людей, живущих в этих двух мирах. В некоторых случаях она говорит на языке той культуры, в которой она пребывает и расцветает, в других – она проповедует Евангелие на официальном или деловом языке и приходит в тупиковое состояние. Почти каждая страна может дать примеры, касающиеся этой стороны социальной структуры и ее влияния на состояние протестантской церкви. Великое обращение к Христу племени лису на юго-западе Китая, бесспорно, стало возможным благодаря тому, что Джон Фрейзер овладел языком лису. «Невозможно себе представить, – указывает У. Уорнер, – чтобы он тронул сердца этих людей, обращаясь к ним на мандаринском наречии китайского языка. Те миссионеры, которые помогали батакам на Суматре выйти на дорогу к Христу, – а в настоящее время христиан там свыше миллиона – свободно владели языком батак. Они не пытались говорить с ними на индонезийском языке» [7, с. 479]. Люди предпочитают становиться христианами, не преодолевая расовых, языковых, культурных или классовых барьеров. Им свойственно воздвигать барьеры вокруг своих сообществ.

Человечество представляет собой мозаику, каждая частица которой живет своей жизнью, она кажется странной тем, кто принадлежит к другим кусочкам мозаики, и даже вызывает у них неприязнь. М. Новак в книге «Возникновение стойкого этноса» справедливо защищает право каждой этнической группы оставаться собой. Барьеры, возведенные каждой такой группой, он рассматривает

как естественные и необходимые конструкции на человеческой сцене. Его список этносов в США расшатывает понятие единого американского народа. «Когда я говорю об „этносе”, – пишет М. Новак, – я имею в виду потомков иммигрантов из Южной и Восточной Европы: поляков, итальянцев, греков, славян... армян, ливанцев, русских, испанцев и португальцев» [3, с. 231]. Автор вполне мог бы упомянуть также англичан, шотландцев, ирландцев, французов, китайцев, арабов, африканцев. Подобно тому, как это было в США, большинство народов на Земле возникло из многих этнических групп. Библейское учение ясно говорит, что во Христе два народа становятся одним. Христианские евреи и язычники становятся единым образованием в контексте своей религиозной принадлежности, но все равно они остаются евреями и язычниками, основываясь на своей этнической или расовой принадлежности.

Дональд Мак-Гавран, находясь под впечатлением универсальности «принципа одной группы», отметил: «Обращение в христианство происходит тем быстрее, чем меньше затрагиваются расовые или клановые особенности» [2, с. 222]. С этим вполне можно согласиться, так как именно протестантизм как более синкретическое направление в христианстве достиг наибольшего успеха в христианизации большинства народов в разных частях Земного шара.

Подобный принцип обнаруживается, когда дело доходит до известных расовых или классовых барьеров. Не без особой проницательности можно увидеть, что если есть различия в цвете кожи, положении, доходах, чистоплотности или образовании, то люди воспринимают христианскую доктрину охотнее, когда она исходит от людей, им подобных. Они предпочитают присоединяться к тем церквям, представители которых равны им. Если расовые и классовые различия не так заметны, а диалектные различия невелики, действие данного принципа увидеть труднее. Христианская церковь вне зависимости от конфессиональной принадлежности обычно игнорирует это положение.

Если процесс христианизации практически во всем мире проходил однородно и относительно в очень короткий промежуток времени, что могло сказаться позитивно для местных культур, то в Европе процесс христианизации проходил очень медленно и неравномерно. «Так, в течение 200 лет Ирландия уже была христианской, а Англия языческой. В течение 100 лет Британские острова уже были христианскими, прежде чем великому англичанину Бонифацию удалось отвратить Северную Германию от ее языческих богов. Франция уже была христианской, по крайней мере, шесть столетий, прежде чем произошло крещение Швеции» [5, с. 631]. В течение всего этого долгого времени население языческих стран что-то знало о христианстве. Приезжали и уезжали торговцы и путешественники. Велась достаточно активная миссионерская работа. Наемники из северных стран становились христианами в южных армиях и возвращались домой. Разбойники-язычники захватывали христианских женщин и привозили их в свои дома и гаремы. Однако и за эти 200 или 500 лет соседние языческие страны

не становились христианскими. Соппротивление было слишком велико. Оно поддерживалось главным образом языковыми, культурными и расовыми барьерами. Настало время, когда военные и политические изменения, завоевания, а также одухотворенное миссионерство давали возможность язычникам любой территории обратиться в христианство, не пересекая барьеров. «И тогда возникал их мощный поток. Так как церковь и государство становились едины, а христианский закон – законом страны, укреплялись основы монастырского образования и святой жизни, отстраивались церкви и страна становилась „христианской”» [5, с. 631]. Когда возникли соборные церкви, они настояли на том, что христианином может стать только разумная личность, подчиняющая свою волю Господу Иисусу и сознательно воспринимающая христианское учение. Потом стало привычным хулить начальный период обращения язычников в христианство, однако если бы не было данного периода, то никогда бы не возникли соборные церкви.

В начальный период обращения к христианской вере стран Северной Европы принцип, запрещающий нарушать барьеры, сохранял вечный уклад жизни. Но позже, когда был освоен способ христианизации в рамках социальной единицы, для целой страны стало возможным быстро обратиться к Христу. Церковные организации, церковные иерархи навязывают свой контроль. Когда пастор или миссионер приезжал в отпуск в миссионерскую школу, то он обнаруживал, что на практике нет большого различия в том, связана ли церковная машина с той или другой религией. В некоторых краях в деревне приходит какой-нибудь неграмотный вождь-язычник, чтобы разубедить и запугивать тех, кто думает о принятии христианства. В других местах то же самое делает высокообразованный священник.

Свобода от контроля бывает различная. Наиболее очевидна та свобода, которая появляется, когда государство гарантирует реальную свободу совести. В конституции записано, что у всех граждан есть свобода вероисповедания, свобода убеждать других в истинности своих убеждений и принятии своей веры, тогда церковный или государственный контроль значительно ослаблен. Пуэрториканская конституция гарантирует религиозную свободу, но исполнительный секретарь Федерации церквей заявлял, что «ему приходится каждый год начинать множество гражданских судебных дел против священников и других лиц, не дающих протестантам осуществлять свои права, гарантированные им конституцией» [6, с. 345]. По его мнению, лишь такими принудительными мерами можно обеспечить реальную религиозную свободу.

Идея взаимодействия и взаимовлияния социальной структуры общества и религиозной веры была взята из социальной антропологии и дает яркую картину этого процесса. В этом социальном процессе менее очевиден тот тип свободы, который появляется с распространением религиозного плюрализма и уничтожением возможности подвергать людей остракизму. Когда большинство

населения осознает, что вера – это сугубо частное дело, и к вмешательству в дела веры относится с одобрением, тогда контроль со стороны деревни или племени существенно ослаблен.

При такой ситуации социальный контроль за религиозной ситуацией гораздо меньше всего возможен в городе, чем в отдаленных сельских районах, он также меньше среди мобильного, чем среди стабильного населения. Любая степень контроля или свободы от контроля в любой системе влияния воздействует на отношение к религии, ее восприимчивости в контексте местной и мировой культуры. Распространение религиозного плюрализма во всех концах земли, формирование идеала религиозной свободы означает для религиозной веры то состояние, которое определяется как благоприятное условие существования. Приобщение к культуре, или аккультурация, – это динамический процесс, в результате которого общество, находящееся в контакте с другими сообществами, изменяется в культурном отношении, адаптируется к новой ситуации, воспринимает нововведения, изменяет свою систему.

Литература:

1. *Генгель К.* История и философия христианского образования / К. Генгель ; пер. с англ. Б. А. Скороходова. – СПб. : Библия для всех, 2002. – 380 с.
2. *Мак-Гавран Д.* Закономерности роста церкви / Д. Мак-Гавран ; пер. с англ. подготовлен Санкт-Петербургским христианским ун-том. – СПб. : Логос, 1994. – 464 с.
3. *Новак М.* Возникновение стойкого этноса / М. Новак ; пер. с англ. С. А. Франкович. – СПб. : Наука, 1971. – 415 с.
4. *Парсонс Т.* О социальных системах / Т. Парсонс ; пер. с англ. В. Ф. Чесноковой. – М. : Академический проект, 2002. – 832 с.
5. *Трельч Э.* Историзм и его проблемы / Э. Трельч ; пер. с нем. М. И. Левина. – М. : Юрист, 1994. – 719 с.
6. *Уайт Х.* Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX в. / Х. Уайт ; пер. с англ. Е. Г. Трубиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
7. *Уорнер У.* Живые и мертвые / У. Уорнер ; пер. с англ. С. Я. Левит. – М. : Университетская книга, 2002. – 671 с.
8. *Хальбвакс М.* Социальные классы и морфология / М. Хальбвакс ; пер. с фр. А. Т. Бибилова. – М. : Алетейя, 2000. – 509 с.
9. Экуменическое движение / науч. ред. П. Сахаров ; пер. с англ. А. Шурбелев, А. Дорман. – М. : ББИ, 2002. – 615 с.